

РЕГИОНАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ПОИСК ИНДИКАТОРА ИЗМЕРЕНИЯ

Анна Сергеевна Зуйкина

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», 614990, Российская Федерация, Пермский край, г. Пермь, Комсомольский проспект, д. 29, e-mail: votinova@inbox.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка поиска показателя измерения территориального неравенства с дальнейшей целью раскрытия особенностей влияния органов власти на «наиболее отклоняющиеся регионы». Исследование проводится на основе регионов стран Европейского Союза, закрепивших ещё в 1992 году в Едином Европейском Акте принципы экономической и социальной сплочённости и борьбы как с межстрановым, так и с внутристрановым неравенством. Под «регионом» понимается «мезоуровень» публичной власти, располагаемый между национальным уровнем и МСУ; административно-территориальные единицы (АТЕ), имеющие органы власти с собственными полномочиями. В итоге общее количество наблюдений в данном исследовании составляет 350 единиц – все АТЕ, которые соответствуют понятию региона в 21 стране-участнице Евросоюза. В качестве методов исследования используются количественный сравнительный анализ и корреляционный анализ. Ключевым показателем измерения регионального неравенства стран ЕС определён валовой внутренний продукт на душу населения (за период 2014-2022 гг.), валидность которого проверяется показателями по бедности и индексом развития человеческого потенциала. Эмпирической основой исследования стали базы данных официального сайта ЕС (Евростат), а также базы данных Лаборатории глобальных данных. В результате расчёта значения душевого ВВП в стандартных отклонениях определены наиболее отклоняющиеся случаи – регионы с самыми высокими/низкими значениями неравенства, что закладывает основу будущего исследования институциональных решений наднациональных и национальных властей в вопросе снижения регионального неравенства.

Ключевые слова: территориальное неравенство, региональное неравенство, региональная политика, валовой внутренний продукт на душу населения, индекс развития человеческого потенциала.

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Зуйкина А.С. Региональное неравенство в странах Европейского Союза: поиск индикатора измерения. Государственное управление и право. 2025. № 3(07). С. 271-285.

REGIONAL INEQUALITY IN THE EUROPEAN UNION: SEARCHING FOR AN INDICATOR OF MEASUREMENT

Anna Sergeevna Zuikina

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Perm National Research Polytechnic University», 614990, Russian Federation, Perm, 29 Komsomolsky avenue, e-mail: votinova@inbox.ru

Abstract. This article attempts to find an indicator for measuring territorial inequality with the further aim of revealing the specific nature of the influence of public authorities on the "most deviant regions". The study is based on the regions of the European Union countries, which enshrined the principles of economic and social cohesion and the fight against both inter-country and intra-country inequality in the Single European Act back in 1992. A "region" is understood to be a "meso-level" of public authority, located between the national level and local government; administrative-territorial units (ATUs) with their own authorities. As a result, the total number of observations in this study is 350 units - all ATUs that correspond to the concept of a region in 21 EU member states. Quantitative comparative analysis and correlation analysis are used as research methods. The key indicator for measuring regional inequality in EU countries is gross domestic product per capita (for the period 2014-2022), the validity of which is verified by poverty indicators and the human development index. The empirical basis of the study was provided by datasets from the official EU website (Eurostat, <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/>) and the Global Data Lab database (<https://globaldatalab.org/>). As a result of calculating the per capita GDP in standard deviations, the most deviating cases were identified – regions with the highest/lowest inequality values, which lays the foundation for future research on institutional decisions of supranational and national authorities in reducing regional inequality.

Keywords: territorial inequality, regional inequality, regional policy, gross domestic product per capita, human development index.

Financing information: this research received no external funding.

For citation: Zuikina, A.S. (2025). Regional inequality in the European Union: searching for an indicator of measurement. Public administration and law, 3(07), 271-285.

Введение

Вопрос управления территориальным неравенством входит в функциональный перечень государства. Балансируя между принципами социального равенства и экономической эффективности, органы власти осуществляют поиск оптимальных решений относительно пространственного развития территории, тем самым институционально влияют на сложившееся неравенство административно-территориальных единиц (далее АТЕ). В данном случае особый исследовательский интерес вызывает политика государ-

ства в отношении крайних позиций этого спектра. Исследование проводится на основе регионов стран Европейского Союза. Создание единого европейского рынка к 1992 году предполагало повышение экономической эффективности и производительности. Однако жизнеспособность проекта поставила вопрос и о справедливом распределении между странами и регионами получаемых выгод, то есть о проведении региональной политики по снижению территориального неравенства, определяемой в научной литературе понятиями «региональной конвергенции», или

«региональной сплочённости»¹.

Вскрытию особенностей влияния европейских национальных и наднациональных институтов на «наиболее отклоняющиеся регионы» предшествует поиск индикаторов территориального неравенства.

Цель исследования

В настоящей статье раскрывается процедура измерения территориального неравенства регионов ЕС, представляется попытка поиска авторами такого индикатора территориального неравенства, который бы позволил определить крайние позиции спектра с целью дальнейшего исследования эффектов государственной политики.

Методы исследования

В качестве ключевых методов исследования используются кросс-темпоральный количественный сравнительный анализ (анализ статистических данных в динамике) и корреляционный анализ (на основе компьютерной программы SPSS).

Результаты исследования и их обсуждение

Территориальное неравенство отражает различия природных, социокультурных, экономических, политических характеристик жизни человека. Данная проблематика не перестаёт быть актуальной для исследователей самых разных научных областей. Экономисты, экономические географы, политологи, социологи раскрывают методики измерения пространственного неравенства [1]; определяют причины его становления [2]; фокусируются на отдельных гранях – экономическое неравенство [3; 4; 5], социальное неравенство и этническая гетерогенность [6; 7; 8; 9; 10]; выделяют особенности государственного управления территориальным неравенством в разные периоды российской истории: в СССР [11], в со-

временной России, а также других странах бывшего Советского Союза сегодня [12; 13; 14]. Множество исследований, как отечественных авторов [15; 16], так и зарубежных учёных [17; 18], касается территориального неравенства в странах Европейского Союза.

Эффект концентрации экономической активности в благоприятных для бизнеса территориях был выявлен ещё Г. Мюрдалем в середине XX в. [12, с. 17]. Г. Мюрдаль ввёл в оборот термин «backwash effects» («эффекты вымывания» – эффекты центростремительного характера, приводящие к усилению позиций «центра» и ослаблению «периферии») и «spread effects» («эффекты распространения» – эффекты центробежного характера, предполагающие передачу импульса от «центра» к «периферии») [19, с. 97]. Согласно теории центр-периферийных отношений (теории поляризованного/несбалансированного/неравного развития), раскрытой в трудах Дж. Фридмана, в центрах концентрируются ресурсы, позволяющие активно развиваться и в дальнейшем оказывать инновационное влияние на периферии [20, с. 78]. В конце XX в. представитель «новой экономической географии» П. Кругман, систематизировав конкурентные преимущества территорий, выделил две группы факторов, определяющих пространственное развитие [21]. Первая группа – не зависящие от человека факторы «первой природы», т. е. природные ресурсы и географическое положение. К факторам «второй природы», связанными уже с деятельностью человека, относятся агломерационный эффект, человеческий капитал, инфраструктура, институты как «правила игры» (по Д. Норту [22, с. 17]). Зубаревич Н.В. и Сафронов С.Г. отмечают снижение значимо-

¹Однако некоторые авторы, к примеру Ф. Мартин, не считают эти два понятия синонимами (Martin P. The Geography of Inequalities in Europe // Swedish Economic Policy Review. 2005. № 12. P. 86).

сти факторов «первой природы» по мере развития стран и регионов. И, напротив, в результате роста инвестиций в человека, развития инфраструктуры, модернизации институтов ведущим становятся факторы «второй природы» [12, с. 17]. Данный тезис характерен для большинства стран ЕС как развитых.

Не случайно в статье 23 раздела V Единого Европейского Акта (Single European Act), принятого 31 декабря 1992 года, декларируется экономическая и социальная сплочённость (economic and social cohesion) Европейского Сообщества, а также действия по сокращению неравенства между различными регионами и отсталости наименее благополучных регионов. Также определяются финансовые инструменты для реализации данных действий: структурные фонды (Европейский Фонд Сельскохозяйственной Ориентации и Фонд Гарантий, Секция Ориентации, Европейский Социальный Фонд, Европейский Фонд Регионального Развития), Европейский инвестиционный банк и другие.

Особенностью европейской интеграции, по результатам исследования французского экономиста Ф. Мартина, стали одновременно протекающие процессы сближения (конвергенции) между странами и расхождения (дивергенции) между регионами внутри стран [23, с. 89]. Так, по данным учёного, за период 1990-2000 гг. неравенство между государствами сократилось на 25 %, внутристрановое региональное неравенство выросло на 10 % [23, с. 88]. Причину этого учёный видит во взаимодействии эффектов масштаба и торговых издержек при принятии решений экономическими и политическими акторами об инвестировании: используются конкурентные преимущества регионов в виде агломерационного эффекта и относительно малого расстояния до рынков сбыта, тем самым сни-

жаются издержки и, как следствие, обостряется проблема регионального неравенства.

Также, согласно выводам Ф. Мартина, в странах ЕС выявляется сильная эмпирическая связь между пространственным и социальным неравенством: страны с высокой степенью регионального неравенства и страны с высокой степенью индивидуального неравенства – это одни и те же случаи [23, с. 83]. В большинстве своём региональное неравенство обусловлено неравенством индивидов по причине различий в уровне образования. «Это означает, что региональная политика, предусматривающая субсидии фирмам, размещающимся в бедных регионах, или финансирование инфраструктурных проектов в этих регионах, может иметь лишь ограниченное влияние на региональное неравенство, а политика, сосредоточенная на образовании, может быть более эффективной», – заключает французский учёный. Его выводы о важности фактора образования в формировании территориального неравенства, как мы увидим далее, подтверждаются и в других исследованиях.

Важным инструментом для оценки и понимания влияния политических решений на конкретной территории является анализ статистической информации. Региональная политика государства отражается в социальных и экономических показателях. Какие показатели закладывать в измерение территориального неравенства?

Существует множество методик оценки территориального неравенства, основу которых составляют разные расчётные показатели. Ведущие отечественные учёные в сфере территориального неравенства Н.В. Зубаревич и С.Г. Сафронов объединяют это многообразие в 4 группы [12, с. 22]. При этом экономическое территориальное неравен-

ство они измеряют дифференциацией душевого ВРП, социальное неравенство – дифференциацией уровня доходов и занятости населения, его качественных характеристик (состояния здоровья, уровня образования и т. п.) с применением индекса Джини и коэффициента вариации. Эти показатели отражают степень территориального неравенства в отдельных странах на национальном уровне. Б.Г. Ивановский акцентирует внимание на показателях бедности в регионах стран Евросоюза [24, с. 167]. При оценке регионального неравенства в научной литературе встречается также обращение к ряду сводных показателей, измеряющих общие достижения стран: Индекс развития человеческого потенциала (HDI – Human Development Index) [25, с. 40], Индекс социального прогресса (SPI – Social Progress Index), Региональный индекс конкурентоспособности (RCI – Regional Competitiveness Index), Индикатор подлинного прогресса (GPI – Genuine Progress Indicator) [15, с. 102].

Итак, объектом данной статьи является не национальное, а внутри-страновое региональное неравенство, соответственно, необходимо отдельно остановиться на понятии «регион». Во-первых, региональный уровень – «мезоуровень» публичной власти, который располагается между национальным уровнем и местным самоуправлением, и муниципалитеты в таком понимании не относятся к регионам. В случаях, когда в стране два «мезоуровня» публичной власти (например, Франция – регионы и департаменты), в качестве «региона» рассматривается «верхний». Во-вторых, регионы – это административно-территориальные единицы, которые имеют органы власти, обладающие

собственными полномочиями (как минимум, представительные органы власти). Заметим, регионами не считаются так называемые «статистические регионы», которые используются для нужд статистики и планирования и не являются АТЕ. Соответственно в некоторых странах ЕС, в рамках нашего концептуального обозначения, регионы отсутствуют (Ирландия, Кипр, Люксембург, Мальта, Эстония), а в некоторых выделяются только на части территории страны (Азоры и Мадейра в Португалии), в связи с чем данные государства исключены из выборки исследования [25, с. 114].

В итоге общее количество наблюдений в настоящем исследовании составляет 350 единиц – все АТЕ, которые соответствуют понятию региона в 21 стране-участнице Евросоюза².

При кодировке использована европейская классификация регионов NUTS (Nomenclature of territorial units for statistics), созданная с целью систематизации статистики и анализа данных. По этой классификации регионы стран ЕС, а также некоторых других стран Европы (бывшие члены, кандидаты на вступление в ЕС) представлены на 3 уровнях:

- NUTS 1: основные социально-экономические регионы;
- NUTS 2: базовые регионы для разработки и реализации региональной политики ЕС;
- NUTS 3: небольшие регионы (муниципалитеты).

Так как регионы определялись по политико-административным критериям, в разных странах они соответствуют NUTS разного уровня. К примеру, в Германии регионы – это земли, они представлены на уровне NUTS 1, в Греции – периферии, которые являются NUTS 2, а в

²Австрия, Бельгия, Болгария, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Нидерланды, Испания, Италия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Швеция.

половине стран регионы обнаруживаются только на уровне NUTS 3. Характеристика единиц сравнения

в разрезе попавших в выборку исследования стран Евросоюза представлена в таблице 1.

Таблица 1. Характеристика единиц сравнения
Table 1. Characteristics of the units of comparison

Страна	NUTS	Количество АТЕ
Австрия	2	9 земель
Бельгия	2	11 провинций
Болгария	3	28 областей
Хорватия	3	21 жупания
Чехия	3	14 краев
Дания	2	5 регионов
Финляндия	3	19 областей
Франция	2	27 регионов
Германия	1	16 земель
Греция	2	13 периферий
Венгрия	3	20 медье
Италия	2	21 «регион» (20 областей и 1 разделена на 2 провинции)
Латвия	3	5 регионов
Литва	3	10 уездов
Нидерланды	2	12 провинций
Польша	2	17 (16 воеводств и Варшава)
Румыния	3	42 джудета
Словакия	3	8 краев
Словения	3	12 регионов
Испания	2	19 «регионов» (17 автономных сообществ и 2 автономных города)
Швеция	3	21 лян

Эмпирической основой исследования стали базы данных официального сайта ЕС (Евростат, <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/>). Отражение регионов на разных уровнях NUTS фактически усложнило процесс измерения внутристранового неравенства. Преимущественно европейская статистика содержит информацию по уровням NUTS 1 и 2. Необходимость поиска данных по ряду регионов на уровне NUTS 3 ограничила выбор возможных показателей. Ключевым, определённым в качестве основного, стал показатель валового

внутреннего продукта на душу населения (душевой ВВП). Для расчёта этого показателя средние значения ВВП в текущих ценах за период 2014-2022 гг. были поделены на численность населения. ВВП на душу населения отражает уровень экономической активности и качество жизни людей. Чем выше этот показатель, тем больше и продуктивнее работают граждане и, соответственно, в среднем больше зарабатывают. ВВП в текущих рыночных ценах не отражает реальной динамики. Если в стране инфляция, номинальный ВВП растёт, даже если

объёмы производства остаются на том же уровне. Так, использование показателя ВВП на душу населения позволяет более точно оценить благосостояние населения и выявить различия в уровне жизни между регионами.

Для того чтобы регионы разных стран были сопоставимы, абсолютные значения ВВП на душу населения трансформированы в z-значения, то есть переведены в статистическом пакете SPSS в стандартные отклонения (от среднего по каждой стране). Это позволило выявить наиболее отклоняющиеся регионы. По результатам данного расчёта за статистически принятую границу за пределами «-2» и «+2» стандартных отклонений попали регионы, территориально включа-

ющие столицы почти во всех странах выборки, кроме Австрии, Германии, Дании, Латвии, Италии³. Если исключить из сравнительного анализа столицы (объективно более обеспеченные, развитые, богатые), то в «отклоняющихся» остаются только по одному региону в Германии (+2,7 Гамбург), Италии (+2,2 Автономная провинция Больцано/Бозен) и Франции (-2,4 Mayotte). Если передвинуть границы отклонения с «2» до «1» в обе стороны, увеличивая число единиц в выборке, то количество относительно крайних позиций в спектре составит 101 регион (48 АТЕ ниже «-1» и 53 АТЕ выше «+1»), территориально расположенных во всех странах ЕС, включённых в выборку. Подробная информация представлена в таблице 2.

Таблица 2. Наиболее отклоняющиеся регионы ЕС (богатые/бедные) в стандартных отклонениях, не включая столицы

Table 2. The most deviant EU regions (rich/poor) in standard deviations, not including capitals

Регион	Страна	Среднее
Mayotte	Франция	-3,329
Karlovarský kraj	Чехия	-2,129
Guyane	Франция	-2,115
Zasavska	Словения	-2,032
Nógrád	Венгрия	-1,81
Burgenland	Австрия	-1,732
Prešovský kraj	Словакия	-1,518
Vaslui	Румыния	-1,497
Södermanlands län	Швеция	-1,473
Calabria	Италия	-1,407
Sjælland	Дания	-1,405
Botoşani	Румыния	-1,328
Ciudad de Melilla	Испания	-1,323
Sicilia	Италия	-1,317
Giurgiu	Румыния	-1,307
Lubelskie	Польша	-1,28
Kainuu	Финляндия	-1,269

³Бельгия (+2,3 Брюссель), Болгария (+4,5 София), Венгрия (+3,7 Будапешт), Греция (+2,7 Атика), Испания (+2,1 Мадрид), Литва (+2,4 Вильнюс), Нидерланды (+2,02 Северная Голландия), Польша (+3,6 Варшава), Румыния (+5,02 Бухарест), Словакия (+2,4 Братислава), Словения (+2,6 Центральная Словения), Франция (+3,8 Иль-де-Франс), Хорватия (+3,4 Загреб), Чехия (+3,4 Прага), Швеция (+3,5 Стокгольм).

Продолжение табл. 2
Continuation of table 2

Регион	Страна	Среднее
Ipeiros	Греция	-1,258
Požeško-slavonska županija	Хорватия	-1,248
Virovitičko-podravska županij	Хорватия	-1,244
Silistra	Болгария	-1,234
Campania	Италия	-1,218
Anatoliki Makedonia, Thraki	Греция	-1,217
Puglia	Италия	-1,206
Sliven	Болгария	-1,190
Latgale	Латвия	-1,176
Călărași	Румыния	-1,167
Prov. Luxembourg (BE)	Бельгия	-1,163
Warmińsko-mazurskie	Польша	-1,143
Podkarpackie	Польша	-1,143
Drenthe	Нидерланды	-1,14
Etelä-Savo	Финляндия	-1,138
Ústecký kraj	Чехия	-1,136
Prov. Hainaut	Бельгия	-1,135
Pohjois-Karjala	Финляндия	-1,129
Brodsko-posavska županija	Хорватия	-1,126
Voreio Aigaio	Греция	-1,08
Szabolcs-Szatmár-Bere	Венгрия	-1,071
Andalucía	Испания	-1,054
Mecklenburg-Vorpommern	Германия	-1,048
Ciudad de Ceuta	Испания	-1,044
Tauragės apskritis	Литва	-1,041
Friesland (NL)	Нидерланды	-1,039
Extremadura	Испания	-1,036
Vukovarsko-srijemska županija	Хорватия	-1,021
Sachsen-Anhalt	Германия	-1,018
Gotlands län	Швеция	-1,016
Kalmar län	Швеция	-1,006
Gorj	Румыния	1,03
Gabrovo	Болгария	1,078
Dytiki Makedonia	Греция	1,090
Vratsa	Болгария	1,093
Cataluña	Испания	1,098
Valle d'Aosta/Vallée d'Aoste	Италия	1,109
Provincia Autonoma di Trento	Италия	1,126

Продолжение табл. 2
Continuation of table 2

Регион	Страна	Среднее
Salzburg	Австрия	1,149
Středočeský kraj	Чехия	1,178
Uppsala län	Швеция	1,189
Wien	Австрия	1,19
Provence-Alpes-Côte d'A	Франция	1,199
Jugovzhodna Slovenija	Словения	1,207
Kurzeme	Латвия	1,217
Komárom-Esztergom	Венгрия	1,234
Sibiu	Румыния	1,245
Pohjanmaa	Финляндия	1,247
Lombardia	Италия	1,248
Obalno-kraška	Словения	1,283
Śląskie	Польша	1,288
Comunidad Foral de Navarra	Испания	1,303
Prahova	Румыния	1,305
Prov. Antwerpen	Бельгия	1,312
Dubrovačko-neretvanska župani	Хорватия	1,334
Ilfov	Румыния	1,431
Klaipėdos apskritis	Литва	1,463
Rhône-Alpes	Франция	1,468
Prov. Brabant wallon	Бельгия	1,469
Fejér	Венгрия	1,528
Utrecht	Нидерланды	1,529
País Vasco	Испания	1,571
Wielkopolskie	Польша	1,602
Jihomoravský kraj	Чехия	1,649
Braşov	Румыния	1,74
Västra Götalands l	Швеция	1,753
Kauno apskritis	Литва	1,759
Trnavský kraj	Словакия	1,774
Dolnośląskie	Польша	1,825
Constanța	Румыния	1,828
Varna	Болгария	1,893
Notio Aigaio	Греция	1,913
Noord-Holland	Нидерланды	2,021
Comunidad de Madrid	Испания	2,092
Primorsko-goranska županija	Хорватия	2,185
Provincia Autonoma di Bolzano/Bozen	Италия	2,196

Продолжение табл. 2
Continuation of table 2

Регион	Страна	Среднее
Timiș	Румыния	2,238
Istarska županija	Хорватия	2,282
Norrbottens län	Швеция	2,407
Åland	Финляндия	2,549
Győr-Moson-Sopron	Венгрия	2,557
Cluj	Румыния	2,619
Hamburg	Германия	2,698
Stara Zagora	Болгария	3,009

Наибольшее количество наиболее «бедных» регионов (по 4 АТЕ) отмечается в Италии, Испании, Хорватии, Румынии. Наибольшее количество наиболее «богатых» регионов – в Румынии (8 АТЕ), Италии, Испании, Болгарии – по 4 АТЕ. Отсутствуют наиболее отклоняющиеся позиции по самым высоким значениям стандартного отклонения душевого ВВП в Дании и Словакии. По 1-2 отклоняющихся случаев по обеим сторонам спектра встречаются во Франции, Чехии, Австрии, Германии, Литве, Латвии, Бельгии, Нидерландах.

Несмотря на частое использование учёными душевого ВВП в качестве индикатора измерения регионального неравенства остаётся вопрос валидности данного показателя: насколько точно он отражает реальную картину пространственной гетерогенности? ВВП как показатель рыночной стоимости всех конечных товаров и услуг, произведённых за год во всех отраслях экономики, отличается простотой, доступностью и оперативностью вычисления. Его называют родоначальником методов количественного измерения стран и процессов

мирового уровня, в качестве компонента он используется во многих индексах [26, с. 29]. Однако «авторитетность» ВВП подрывается рассуждениями учёных и политиков об узости только экономического измерения уровня жизни в стране и, более того, о целесообразности экономического роста как такового [26, с. 33].

Именно поэтому принято решение рассчитать стандартное отклонение ещё по ряду дополнительных показателей: во-первых, из категории бедности, во-вторых, достигнувший человеческого развития.

В базах данных Евростата статистика по бедности в регионах представлена несколькими показателями на уровне NUTS 2. Это означает, что по ряду стран, регионы которых отражаются на уровне NUTS 1 и 3, данные отсутствуют (Германия, Хорватия, Латвия, Литва, Словения)⁴. Тем не менее, корреляцию с душевым ВВП по основному массиву стран выборки провести можно. Так, расчёт стандартного отклонения производился за период 2022-2023 гг. (полный охват по регионам стран в эти годы) по двум показателям из категории бедно-

⁴Что касается региональной статистики стран ЕС (датасеты Евростата) в части раскрытия вопроса территориального неравенства, на уровне NUTS 3 имеются данные по ВВП и численности населения (что было положено в основу расчёта душевого ВВП), занятости, количеству совершённых преступлений. Наиболее полная информация территориального неравенства, в том числе измерение посредством индекса Джини, приводится на национальном уровне.

сти: 1) уровень риска бедности (At-risk-of-poverty rate, %)⁵; 2) тяжёлое материальное и социальное положение (Severe material and social deprivation, %)⁶.

Ещё одним дополнительным показателем проверки валидности душевого ВВП стал Индекс развития человеческого потенциала (Human Development Index) на субнациональном уровне (SHDI), предусмотренный Программой ООН с 1990 года для ранжирования стран на основе их совокупных достижений в области развития [26, с. 40]. Значения показателя SHDI представлены в датасетах Лаборатории глобальных данных (GDL) (<https://globaldatalab.org/>) – Института исследований в области менеджмента Университета Радбауда в Неймегене (Нидерланды). Голландский учёный из GDL Дж. Смитс и его испанский коллега, профессор Центра демографических исследований (ICREA) университета Барселоны, И. Перманер являются создателями базы данных по SHDI с 1990 года для 1625 регионов в 161 стране, что в совокупности охватывает более 99 % населения мира. HDI представляет собой среднее значение параметров по трём измерениям: образование, здравоохранение и уровень жизни. Уровень образования измеряется средним количеством лет обучения взрослых в возрасте от 25 лет и ожидаемым

количеством лет обучения в школе. Для измерения уровня здоровья используется ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Уровень жизни определяется душевым ВВП по паритету покупательной способности (ППС). Для стран ЕС этот индекс также представлен только на уровне NUTS 2.

Интерес представляют результаты масштабного исследования Дж. Смитса и И. Перманера о значении каждого компонента в региональном неравенстве в странах с разным уровнем развития (низкий, средний, высокий). Учёные выявили, что в наименее развитых странах территориальное неравенство, измеряемое SHDI, обусловлено прежде всего различиями в уровне образования. Уровень жизни не играет в этой категории стран заметной роли, что не характерно для группы стран среднего уровня развития, где влияние данного параметра на региональную дивергенцию увеличивается, впрочем, не отменяя относительно высокого значения уровня образования. Влияние здравоохранения сильнее всего проявляется в странах со средним уровнем развития и слабее всего в наиболее развитых странах. В последних, в том числе странах Евросоюза, самым значимым компонентом, объясняющим внутристрановое неравенство, оказывается уровень жизни

⁵Как соотношение числа людей, находящихся под угрозой бедности или социальной изоляции, к численности населения – доля лиц в возрасте 0+ с располагаемым доходом ниже 60 % национального среднего дохода // Евростат. Перечень социальных показателей. https://employment-social-affairs.ec.europa.eu/policies-and-activities/social-protection-social-inclusion/social-protection-committee/indicators-sub-group/eu-social-indicators/eu-social-indicators-dataset_en.

⁶Показатель является ключевым показателем ЕС для измерения депривации и одним из 3 субиндикаторов, включённых в основной показатель риска бедности. Его значения дают информацию о процентном соотношении и составе населения, находящегося в тяжёлом материальном и социальном положении. Человек считается серьёзно обделённым в материальном и социальном отношении, когда не может позволить себе 7 или более из 13 пунктов: 1) непредвиденные расходы; 2) ежегодный недельный отпуск вдали от дома; 3) задолженность по ипотеке, коммунальным платежам и/или рассрочке платежей; 4) мясо, курицу, рыбу или вегетарианский эквивалент раз в два дня; 5) отопление в доме; 6) автомобиль/микроавтобус для личного пользования; 7) замена изношенной мебели и иных вещей; 8) доступ в Интернет; 9) покупка новой одежды; 10) приобретение двух пар подходящей обуви; 11) трата небольшой суммы каждую неделю на себя; 12) регулярный досуг; 13) встречи с друзьями / семьей в кафе как минимум раз в месяц // Евростат. Перечень социальных показателей. https://employment-social-affairs.ec.europa.eu/policies-and-activities/social-protection-social-inclusion/social-protection-committee/indicators-sub-group/eu-social-indicators/eu-social-indicators-dataset_en.

[27, с. 596-598]. Напомним, в измерении уровня жизни как компонента SHDI применяется душевой ВВП. Вывод зарубежных учёных об определяющем влиянии данного параметра на региональное неравенство в развитых странах соотносится с результатами анализа корреляции показателей SHDI и душевого ВВП в настоящем исследовании, который выявил сильную связь переменных. Среднее стандартное отклонение по SHDI рассчитано за период с 1990 по 2022 гг.

Сила и статистическая значи-

мость корреляции всех взятых показателей (уровень риска бедности, материальные и социальные лишения, индекс развития человеческого потенциала, душевой ВВП) отражены в таблице 3. В таблице не представлены данные по ряду европейских стран из выборки (Болгария, Венгрия, Румыния, Словакия, Финляндия, Чехия, Швеция), а также по некоторым показателям имеются пробелы в ячейках – в связи с отсутствием статистики в базах данных Евростата и GDL на уровне NUTS 3.

Таблица 3. Корреляция Пирсона для показателей регионального неравенства по странам ЕС

Table 3. Pearson correlation for indicators of regional inequality in EU countries

Страна	Бедность /SHDI	Бедность /Душевой ВВП	Бедность /лишения	Лишения /SHDI	Лишения /душевой ВВП	SHDI /Душевой ВВП
Австрия (9 АТЕ)				0,116 0,765	0,414 0,268	,862** 0,003
Бельгия (11 АТЕ)	-,048 ,889	,284 ,397	,709* 0,015	-,045 ,895	,313 ,349	,907** ,000
Хорватия (21 АТЕ)						,967** ,000
Дания (5 АТЕ)	-,643 ,242	-,645 ,240	,303 ,620	-,508 ,383	-,386 ,521	,957* ,011
Франция (26 АТЕ)	,243 ,233	,176 ,390	-,135 ,512	-,776** ,000	-,524** ,006	,885** ,000
Германия (16 АТЕ)						,269 ,313
Греция (13 АТЕ)	-,273 ,366	-,157 ,608	-,242 ,426	-,135 ,661	,104 ,735	,519 ,069
Италия (21 АТЕ)	,016 ,946	,167 ,469	-,320 ,158	-,704** ,000	-,714** ,000	,778** ,000
Латвия (5 АТЕ)						,979** ,004
Литва (10 АТЕ)						,951** ,000
Нидерланды (12 АТЕ)	446 ,146	,504 ,095	-,095 ,770	-,429 ,164	-,258 ,418	,944** ,000
Польша (17 АТЕ)	-,022 ,935	,308 ,229	,069 ,793	-,158 ,559	-,207 ,424	,581* ,018
Словения (12 АТЕ)						,948** ,000
Испания (19 АТЕ)	,071 ,774	,113 ,645	-,430 ,066	-,646** ,003	-,584** ,009	,902** ,000

*Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

**Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Выводы

Так, наиболее сильная положительная корреляция по всем странам (за исключением Германии) характерна для SHDI и душевого ВВП, что, с одной стороны, подтверждает вывод Дж. Смита и И. Перманера о доминирующем влиянии компонента «уровень жизни» (измеряемого через душевой ВВП в ППС) на формирование регионального неравенства в развитых странах, с другой – утверждает валидность душевого ВВП как основного индикатора измерения регионального неравенства для данного исследования. По Италии, Испании и Франции наблюдается сильная отрицательная корреляция показателей душевого

ВВП и SHDI с одним из показателей бедности – материальными и социальными лишениями, что отражает научные сомнения в уместности ВВП как индикатора благосостояния в обществе. Признавая это, тем не менее, в связи с обозначенными в работе моментами, автор останавливается на душевом ВВП как индикаторе измерения территориального неравенства. Таким образом, расчёт значений показателя позволил выделить наиболее отклоняющиеся регионы в странах Евросоюза, что определяет случаи для последующего научного исследования институциональных решений в сфере региональной политики по смягчению неравенства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Глущенко К.П. Методы анализа межрегионального неравенства по доходам: учебное пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2010. 66 с.
2. Drew J., Ryan R. Regional inequality: Why It matters, why it occurs and how it might be addressed. Sydney: Open Publications of UTS Scholars, 2018. URL: <https://opus.lib.uts.edu.au/bitstream/10453/123881/3/20.4.18%20Senate%20Submission.pdf>.
3. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Налогово-бюджетная дифференциация регионов России: масштабы и динамика // Региональные исследования. 2023. № 1. С. 31-41.
4. Мохнаткина Л.Б. Региональное неравенство исполнения федерального бюджета в субъектах Российской Федерации // Экономика региона. 2023. № 19(1). С. 274-288. URL: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-21>.
5. Ратьковская Т.Г. Пространственные характеристики регионов в процессах межбюджетного выравнивания // ЭКО. 2020. № 1. С. 166-182.
6. Зубаревич Н.В. Проблема социального неравенства регионов: возможно ли реальное смягчение? // Управленческое консультирование. 2009. № 3. С. 154-169.
7. Галкин А.А. Общественно-политические последствия социального неравенства // Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obshchestvenno-politicheskie-posledstviya-sotsialnogo-neravenstva>.
8. Alesina A., Michalopoulos S., Papaioannou E. Ethnic Inequality // Journal of political economy. 2017. Pp. 428-488.
9. Leipziger L.E. Measuring Ethnic Inequality: An Assessment of Extant Cross-National Indices // British Journal of Political Science. 2022. Pp. 1-22.
10. Панов П.В. Этническая гетерогенность, движения за самоопределение меньшинств и институциональные реформы: обзор западноевропейских практик // Актуальные проблемы в Европе. 2024. Вып. 3. С. 266-284.
11. Баканов С.А. Бюджетное неравенство в СССР в 1950-1980-е гг. // Уральский исторический вестник. 2022. № 3 (76). С. 153-160.
12. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Региональное неравенство в крупных постсоветских странах // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2011. № 1. С. 15-26.
13. Якупов А.Ф., Хазеева Ч.И., Курмакаева Д.Д. Оценка уровня и причин регионального неравенства в Республике Азербайджан // Глобальная экономика и образование. 2022. Том 2. № 2. С. 60-71.
14. Туровский Р.Ф., Джаватова К.Ю. Региональное неравенство в России: может ли централизация быть лекарством? // Политическая наука. 2019. № 2. С. 48-74.

15. Макоев М.Р. Региональное неравенство в Европе: причины и текущее состояние // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. № 9. Т. 1. С. 99-105.
16. Комлева В.В., Охупкина Е.А. Сравнительный анализ наиболее значимых инструментов государственной политики смягчения неравенства регионов в России и Испании // Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-naibolee-znachimyyh-instrumentov-gosudarstvennoy-politiki-smygacheniya-neravenstva-regionov-v-rossii-i-ispanii/viewer>.
17. Laskiene D., Pekarskiene I., Kontautiene R. Regional Income Inequality in Lithuania // Economy of region. 2020. Vol. 16. No. 4. Pp. 1104-1114. URL: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg>.
18. Гатарич Др., Лутовац М., Йованович С. Экономическое неравенство регионального развития республики Сербия // Вестник Краснодарского регионального отделения русского географического общества / под ред. И.Г. Чайки, Ю.В. Ефремова, Л.А. Моревой. 2020. Вып. 10. С. 189-195.
19. Украинский В.Н. Теория поляризованного развития: первые шаги // Регионалистика. 2017. Том 4. № 5. С. 92-22.
20. Friedmann J. A general theory of polarized development. Santiago: ILPES, 1967.
21. Krugman P. Geography and Trade. Cambridge, MA: MIT Press, 1991.
22. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Москва, 1997. С. 17.
23. Martin P. The Geography of Inequalities in Europe // Swedish Economic Policy Review. 2005. No. 12. Pp. 83-108.
24. Ивановский Б.Г. Социальное неравенство в странах Евросоюза: Показатели и методы оценки // Экономика. 2018. № 2. С. 163-170.
25. Панов П.В. Базаданных «Субнациональный регионализм многоуровневая политика (REG-MLG)» // Вестник Пермского университета. Серия Политология. 2021. Т. 15. № 4. С. 110-120.
26. Милехин А.В., Иванов О.В. Новый мир индексов: полный справочник по измерениям в демографии, социологии, экономике и других сферах жизни. Москва: Эксмо, 2024. 272 с.
27. Permanyer I., Smits Je. Inequality in Human Development across the Globe // Population and Development Review. 2020. Volume 46. Issue 3. Pp. 407-637. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/padr.12343>.

Информация об авторе

Зуйкина Анна Сергеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и истории

REFERENCES

1. Glushchenko, K.P. (2010). Methods for Analyzing Interregional Income Inequality: Textbook. Novosibirsk: Novosibirsk State University. 66 p. (In Russ.)
2. Drew, J., & Ryan, R. (2018). Regional Inequality: Why It Matters, Why It Occurs and How It Might Be Addressed. Sydney: Open Publications of UTS Scholars. URL: <https://opus.lib.uts.edu.au/bitstream/10453/123881/3/20.4.18%20Senate%20Submission.pdf>.
3. Zubarevich, N.V., & Safronov, S.G. (2023). Fiscal Differentiation of Russian Regions: Scale and Dynamics. Regional Research, (1). Pp. 31-41. (In Russ.)
4. Mokhnatkina, L.B. (2023). Regional Inequality in the Execution of the Federal Budget in the Subjects of the Russian Federation. Economy of Region, 19(1). Pp. 274-288. URL: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-21>. (In Russ.)
5. Ratkovskaya, T.G. (2020). Spatial Characteristics of Regions in Interbudgetary Equalization Processes. ECO, (1). Pp. 166-182. (In Russ.)
6. Zubarevich, N.V. (2009). The Problem of Social Inequality of Regions: Is Real Mitigation Possible? Management Consulting, (3). Pp. 154-169. (In Russ.)
7. Galkin, A.A. Socio-Political Consequences of Social Inequality. Kiberleninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvenno-politicheskie-posledstviya-sotsialnoqo-neravenstva>. (In Russ.)

8. Alesina, A., Michalopoulos, S., & Papaioannou, E. (2017). Ethnic Inequality. *Journal of Political Economy*. Pp. 428-488.
9. Leipziger, L.E. (2022). Measuring Ethnic Inequality: An Assessment of Extant Cross-National Indices. *British Journal of Political Science*. Pp. 1-22.
10. Panov, P.V. (2024). Ethnic Heterogeneity, Minority Self-Determination Movements and Institutional Reforms: A Review of Western European Practices. *Current Problems in Europe*, (3). Pp. 266-284. (In Russ.)
11. Bakanov, S.A. (2022). Budget Inequality in the USSR in the 1950s-1980s. *Ural Historical Herald*, 3(76). Pp. 153-160. (In Russ.)
12. Zubarevich, N.V., & Safronov, S.G. (2011). Regional Inequality in Large Post-Soviet Countries. *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series*, (1). Pp. 15-26. (In Russ.)
13. Yakupov, A.F., Khazeeva, Ch.I., & Kurmakaeva, D.D. (2022). Assessment of the Level and Causes of Regional Inequality in the Republic of Azerbaijan. *Global Economics and Education*, 2(2). Pp. 60-71. (In Russ.)
14. Turovsky, R.F., & Dzhavatova, K.Yu. (2019). Regional Inequality in Russia: Can Centralization Be a Cure? *Political Science*, (2). Pp. 48-74. (In Russ.)
15. Makoev, M.R. (2024). Regional Inequality in Europe: Causes and Current State. *Economics and Management: Problems, Solutions*, 9(1). Pp. 99-105. (In Russ.)
16. Komleva, V.V., & Okhapkina, E.A. Comparative Analysis of the Most Significant Tools of State Policy for Mitigating Regional Inequality in Russia and Spain. *Kiberleninka*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-naibolee-znachimyh-instrumentov-gosudarstvennoy-politiki-smyagcheniya-neravenstva-regionov-v-rossii-i-ispanii/viewer>. (In Russ.)
17. Laskiene, D., Pekarskiene, I., & Kontautiene, R. (2020). Regional Income Inequality in Lithuania. *Economy of Region*, 16(4). Pp. 1104-1114. URL: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg>.
18. Gatarich, Dr., Lutovac, M., & Jovanovic, S. (2020). Economic Inequality of Regional Development of the Republic of Serbia. *Bulletin of the Krasnodar Regional Branch of the Russian Geographical Society*. Ed. by I.G. Chayka, Yu.V. Efremov, L.A. Moreva. Issue 10. Pp. 189-195. (In Russ.)
19. Ukrainsky, V.N. (2017). Theory of Polarized Development: First Steps. *Regionology*, 4(5). Pp. 92-22. (In Russ.)
20. Friedmann, J. (1967). *A General Theory of Polarized Development*. Santiago: ILPES.
21. Krugman, P. (1991). *Geography and Trade*. Cambridge, MA: MIT Press.
22. North, D. (1997). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Moscow. P. 17. (In Russ.)
23. Martin, P. (2005). The Geography of Inequalities in Europe. *Swedish Economic Policy Review*, (12). Pp. 83-108.
24. Ivanovsky, B.G. (2018). Social Inequality in EU Countries: Indicators and Assessment Methods. *Economics*, (2). Pp. 163-170. (In Russ.)
25. Panov, P.V. (2021). Database "Subnational Regionalism and Multilevel Politics (REG-MLG)". *Perm University Herald. Political Science*, 15(4). Pp. 110-120. (In Russ.)
26. Milekhin, A.V., & Ivanov, O.V. (2024). *New World of Indexes: Complete Reference Guide to Measurements in Demography, Sociology, Economics and Other Areas of Life*. Moscow: Eksmo. 272 p. (In Russ.)
27. Permanyer, I., & Smits, Je. (2020). Inequality in Human Development across the Globe. *Population and Development Review*, 46(3). Pp. 407-637. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/padr.12343>.

Information about the author

Anna S. Zuilina – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Public Administration and History

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию (Reserved) 26.06.2025

Поступила после рецензирования 27.07.2025

Принята к публикации (Accepted) 25.09.2025